

УДК 1(091)(47)
ББК 87.3(2Рос=Рус)6
Б48

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Составление и вступительная статья
В.Н. Калюжного

В издании в основном сохранены
орфография и пунктуация автора

Подписано в печать 27.01.03 г. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 32,76. Тираж 5000 экз. Заказ № 295.

Бердяев Н.А.

Б48 Диалектика божественного и человеческого / Н.А. Бердяев;
Сост. и вступ. ст. В.Н. Калюжного. — М.: ООО «Издательство
АСТ»; Харьков: «Фолио», 2003. — 620, [4] с. — (Philosophy).

ISBN 5-17-017990-1 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 966-03-1710-7 («Фолио»)

Работы выдающегося русского религиозного мыслителя Н.А. Бердяева (1874—1948), вошедшие в это издание, написаны в разное время, однако их объединяет общая проблематика. В них философ рассматривает диалектику взаимоотношений Творца и Его творения, «Его другого» — человека. Бердяев, всегда тяготевший к метафизике духа, отстаивает свободу представлений о Творце и откровении, присущую не ортодоксальной церкви (с ее ориентацией на «средне-нормального человека»), а мистикам: Экхарту, Кузанскому, Бёме. Он утверждает: «Бог ждет от человека свободы, ждет свободного ответа человека на Божий зов. Подлинная свобода и есть та, которую Бог требует от меня, а не я требую от Бога».

УДК 1(091)(47)
ББК 87.3(2Рос=Рус)6

© Составление и вступительная статья.
В.Н. Калюжный, 2003
© Художественное оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2003

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ: ОТ ПРОТИВОРЕЧИВОГО ХАРАКТЕРА К ПАРАДОКСАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Бердяев — центральная фигура русской философии; он наиболее авторитетен, прославлен, именит.

Не только для современников, но и для последующих поколений Н. А. Бердяев стал безусловно наиболее колоритной фигурой среди русских мыслителей. Мемуаристы оставили нам описание его неординарной внешности: гордая посадка головы, пышная длинная шевелюра, нарядный чесучовый костюм, батистовый галстук, бледная, с длинными ногтями рука, тонкий запах сигары. Ничто не могло затмить его врожденной барственности. «Он не только красив, но и на редкость декоративен» (Ф. Степун), «щеголеват», «элегантен и картинен» (Б. Зайцев).

Однако наблюдательному человеку вскоре открывалось и другое: тик, судороги, нервные движения корпусом, нервные помаргивания. Но поклонников его это не смущало, недаром в молодости Бердяева называли «любимцем женщин и богов».

Бердяев часто казался не таким, каким был на самом деле. Он признавался, что всегда был скрытен, носил маску, защищая этим свой собственный мир, был «склонен чувствовать собственное несовершенство и греховность». Его мировая известность только увеличивала его самокритичность и недовольство собой.

Он сам замечал в себе две полярных составляющих. С одной стороны Бердяев осознавал себя человеком жалостливым и одиноким; с другой — протестующим и дерзающим. Хорошо знавшая его Е. К. Герцык отмечала, что «живет он среди двух борющихся тенденций: разрушать и сохранять».

Он откровенно признавал в себе такой «барски-русский» недостаток, как самодурство. Более того, нечто похожее на это Бердяев подмечал в своем мыслительном процессе.

Ему было свойственно переживание мгновений экстаза. Главное, считал он, «достигнуть состояния подъема и экстаза, выходящего за пределы обыденности, экстаза мысли, экстаза чувства». Но в экстаз его приводило не бытие как таковое, а свобода и творчество. Творческий экстаз он рассматривал как прорыв в бесконечность. Однако ему случалось испытывать также экстаз гнева, разрыва, восстания.

Свой темперамент Бердяев характеризовал как воинственный, «активный и боевой». Он испытывал инстинктивную тягу к борьбе и имел основания считать себя храбрым. Он не трепетал ни перед разбушевавшимся хамом, ни перед победившим пролетариатом. В экстремальных ситуациях никогда не чувствовал подавленности, испуга, наоборот, — испытывал подъем. На допросе в ГПУ он старался не защищаться, а нападать. В двадцатом году его единственным среди арестованных по делу так называемого «Тактического центра» допрашивал сам Дзержинский.

В то же время всё военное было для него нестерпимым: учась в Кадетском корпусе, он почти не носил кадетскую форму, не стриг коротко волос, «старался избегать встреч с генералами, чтобы не становиться во фронт». Подобно Л. Толстому, он испытывал отвращение к насилию.

Сам философ, чтобы проиллюстрировать свой характер, часто прибегал к образу «феодала, сидящего в своем замке с поднятым мостом и отстреливающегося» (рыцарские доспехи красуются на его фамильном гербе). Он не мог органически подчиниться какой бы то ни было власти: ни в своей философии, ни в жизни. Не признавал никакого учительства и наставничества, был всегда за исключение, против правил.

Мирозерцание Бердяева конфликтно и антиномично. С одной стороны, все события своей эпохи он переживал как собственную судьбу; с другой — мучительно ощущал «неслиянность ни с чем». «Острое чувство судеб истории» входило в противоречие с его нелюбовью к истории. Будучи равнодушен к политике, он никогда не был политиком. Осознавая себя русским, оставался универсалистом и человеком западной культуры. В нем совмещалась революционность взглядов с консерватизмом привычек, анархизм с любовью к установившемуся порядку и комфорту. Ему было трудно достичь равновесия между мечтой и действительностью.

Свою нелюбовь к «жизни» Бердяев объяснял всеобъемлющей душевной и физической брезгливостью. Он испытывал гадливость к физиологическим функциям организма, ко всему, связанному с плотью мира. Только дух его не отталкивал.

Эмпирический мир представлялся Бердяеву неподлинным, неокончательным. Он не верил в «твердость и прочность» так называемой действительности мира, природы и истории. Неукорененность в мире он считал глубочайшей основой своего мироощущения. Однако, как вспоминает Е. К. Герцык, «с прекрасной последовательностью Николай Александрович, ненавистник материального мира, страстно любил природу...».

Жизнь частенько напоминала ему сновидение. Временами он лишь притворялся, что участвует в жизни окружающего мира, по-настоящему живя в другом плане. Он защищался от мира, охраняя свою свободу.

Бердяев внутренне почти всегда оставался чужд происходящему, даже в те минуты, когда жизнь вокруг него бурлила. Ему казалось, что он «приходил как бы из другого мира и уходил в другой мир». Бердяев признавал, что он слабо социализированный, даже асоциальный человек. Именно в минуты общения с людьми он острее всего чувствовал свое одиночество.

Чтобы понять, насколько Бердяев был отстранен от происходящего, достаточно одной фразы из его воспоминаний: «С большим трудом я объяснил следователю Чека, что такое духовная культура и чем она отличается от материальной».

Бердяев никогда не чувствовал себя чему-либо и кому-либо в мире принадлежащим. Мучительно чувствуя чуждость всякой среды, группировки, партии, направления, Бердяев никогда не поддавался заразе коллективизма, ему было неведомо слияние с коллективом. Он был неспособен к коллаборационизму и соглашательству, считал себя «ничьим» человеком, его всегда соблазняло инкогнито.

Неприязнь к окружению трансформировалась у Бердяева в философское отношение к реальности. То, что люди принимают за реальность, с точки зрения Бердяева, лишь иллюзия сознания. Сомнение в реальности видимого, предметного мира Бердяев считал началом философии.

В «Самопознании» он признавал, что в его жизни слишком большое значение имел трагически-конфликтный момент. «Слишком сильно у меня было чувство зла и падшести мира, слишком остро было чувство конфликта личности и мира», — исповедовался философ. Он относил себя к той части поколения рубежа веков, у которой конфликт личности с общим и родовым достиг необычайной остроты: «Много сил я потратил на конфликт с окружающей социальной средой». У Бердяева довольно рано начались идейные конфликты с так не любимым им эмпирическим миром. Он восставал «против дворянского общества, против революционной интеллигенции, против литературного мира, против православной среды, против коммунизма, против эмиграции, против французского общества».

Бердяев конфликтовал как с отдельными личностями, так и с общественными и государственными структурами. Он находился в постоянном конфликте и с традиционными богословскими учениями.

Философское зрение Бердяева всюду выхватывало конфликты: между любовью и свободой, жалостью и свободой, состра-

данием и принятием страдания, любовью-эросом и любовью-жалостью. Он остро чувствовал трагический конфликт исторического процесса и личной судьбы; испытывал двойственные чувства — близости и чуждости истории. Одиночество он рассматривал как до последней остроты доведенный конфликт между жизнью в этом мире и трансцендентным. Он ощущал конфликт между Богом философов и Богом Авраама, Исаака и Иакова.

Но при этом у Бердяева не было однозначного отношения к конфликту: он воспринимал его как негативно, так и позитивно. Иной раз ему как будто не доставало остроты в жизни. Так, ему казалось, что моменты созерцания, в отличие от творчества, «не знают борьбы, конфликта, мучительного противления и затруднения».

Панегириком конфликту звучат слова Бердяева: «Нельзя написать драмы, романа, лирического стихотворения, если нет конфликта, столкновения с нормой и законом, нет «незаконной» любви, внутренних сомнений и противоречий, нет всего того, что представляется недопустимым с точки зрения «закона» установившегося ортодоксального мнения».

Свое философское призвание Бердяев осознал очень рано. Канта, Гегеля, Шопенгауэра начал читать в четырнадцать лет. Пожертвовав увлечением живописью (которой отдал три года), он начал писать философские романы.

Отрекаясь от невыразимой тоски обыденной «жизни», Бердяев пленился «теорией». Теорию же он понимал как творческое познание, возвышающееся над повседневностью.

Бердяев причислял себя к типу «эротических» философов, признавая при этом, что этические страсти в нем были все же сильнее эротических. Он ощущал, что познает не одним интеллектом, а совокупностью духовных сил: «Страдание, радость, трагический конфликт — источник познания».

По яркому выражению Бердяева, философия не выносит «стадности»; философствует всегда личность, целостный человек. Более того, философия — это выражение судьбы философа. Философия самого Бердяева глубоко лична и связана с его внутренним опытом.

Но личностность имеет и обратную сторону. И в философии Бердяев занят преимущественно собой, своими переживаниями. Беда его в «невозможности выйти за пределы самого себя, в поразительной скованности его духа границами личных исканий» (В. Зеньковский).

Приоткрыть дверь в тайное тайных Бердяева помогает его посмертно опубликованная работа «Самопознание». Эта философская исповедь в своей откровенности перекликается с испо-

ведениями Августина и Руссо. Все труды Бердяева стоит читать на фоне «Самопознания». Но следует помнить и обратное: «...все его книги есть повесть о самом себе, о своих сомнениях и трагических конфликтах» (В. Зеньковский).

В философское познание, по Бердяеву, неизбежно приводит вера. Горизонт неверующего философа сужен, миру он приписывает собственную ограниченность.

Под верой Бердяев понимает «раскрытие сознания для иных миров, для смысла бытия», «внутреннее просветление познания». Вера не поработщает, а питает философию.

При этом Бердяев четко разграничивает познание и откровение: «Откровение есть то, что открывается мне, познание есть то, что открываю я». Откровение не навязывает философии никаких идеологических построений, но дает реальности факты мистического порядка.

Невозможно обойти вопрос о религиозности самого Бердяева. Как человек «нового религиозного сознания», Бердяев не мог отречься ни от язычества, ни от христианства. По мнению В. Зеньковского, «...обаяние произведений Бердяева определяется именно своеобразной амальгамой христианских идей и внехристианских начал».

Признавая, что в его философии есть противоречия, Бердяев подчеркивал, что они вызываются самим ее существом и не могут быть устранены. Философ несет в себе опыт противоречий человеческого существования. Более того, по его мнению, творческая мысль невозможна, если нет сферы проблематического, нет искания истины, нет борений духа: «На философии отпечатываются все противоречия жизни, и не нужно их пытаться сглаживать».

Свою философию Бердяев считал «философией конфликта». Он писал: «Я принес с собой мысли, рожденные в катастрофе русской революции. Принес с собой сознание кризиса исторического христианства. Принес сознание конфликта личности и мировой гармонии, индивидуального и общего, неразрешимого в пределах истории».

Философ был враждебен монизму, рационализму, господству универсального разума, благополучному оптимизму. «Я всегда хотел, — признавался он, — чтобы философия была не о чем-то, а *чем-то*, обнаружением первореальности самого субъекта». По словам Ф. Степуна, «многократно меняя свои теоретические точки зрения и оценки, Бердяев никогда не изменял ни своей теме, ни своему пафосу». «Моя философия есть философия духа», — провозглашал Бердяев.

Не относясь к отцам-основателям экзистенциализма, Бердяев считал, что его философия более экзистенциальна, чем фило-

софия Хайдеггера и Ясперса. Он понимал философию как постижение тайны человеческого существования, проникновение в перво-реальность, приобщение к предмету, соучастие в нем.

Творчество выступает фирменным, если дозволительно так выразиться, знаком философии Бердяева. Нужно говорить, однако, не столько о теории творчества Бердяева, сколько о видении им этой проблемы, о создании особого образа творчества. В этом плане оно представляется слепком с его самоощущения, своего рода автопортретом.

Творчество, по Бердяеву, — таинственная сила в человеке. Оно субъективно, не выводимо из объективного бытия. Творчество — прорыв в детерминированной цепи, чудо. Творящий стремится не к реализации определенной цели, а к выражению своего внутреннего состояния. В момент творческого подъема человек чувствует себя одержимым, при этом вдохновение понимается Бердяевым не иначе как «влитие в человека Духа».

В своем первоистике творчество мотивировано недовольством этим миром. Творчество — победа над вялотекущей жизнью, обыденностью. Творческий акт прорывается к более глубокой нуменальной реальности. Человек в философии Бердяева есть существо, не приспособляющееся, а творчески преодолевающее себя и мир.

В философском смысле Бердяев толкует творчество как трансцендирование. В нем (творчестве) происходит трансцензус — разрывается замкнутость человеческого существования. Мир, по Бердяеву, должен раствориться в творческом экстазе.

В творчестве Бердяев предлагает различать внутреннюю и внешнюю стороны: внутренний акт и продукт, выявление творческого акта вовне. В первоначальном творческом акте человек как бы стоит пред ликом Божиим, во вторичном — он обретается в обществе.

В творческом состоянии возникает легкость, вырастают крылья. Первоначальный творческий акт Бердяев метафорически видит как *подъем, взлет, прорыв, притяжение высоты, восхождение в гору, горение духа*, «огненное движение из бездонной свободы». Это, по Бердяеву, сокровенное познание. Внутренний замысел определяется первичной творческой интуицией. Но творческий акт требует завершения — реализации замысла, воплощения образа.

С точки зрения здравого смысла, творческий процесс разворачивается в лаборатории, мастерской, на худой конец — на диване. Согласно же Бердяеву, первичное творчество происходит за рамками объективированного мира. Для создания достойного произведения требуются годы. Бердяев утверждает, что творчество разворачивается вне времени этого мира — оно

происходит во времени экзистенциальном, в мгновение настоящего.

Бердяев сосредотачивается на апофатической (отрицательной) характеристике творчества: это не перегруппировка и перераспределение материи, не налагание на нее извечных идеальных форм, не отражение мира идей или природного мира. По его мнению, творческий акт устремлен к бесконечному, совершенство же формы, гармония связаны с конечным. Соприкасаясь с объектностью, творческий акт пресекается. И все же результаты творческого акта «выходят» к людям, остаются в мире.

Вторичный творческий акт связан миром, социально обусловлен, подчинен нормам и законам. Тут начинает играть роль мастерство, искусность. В результате возникают культурные ценности, произведения искусства, социальные институты, добрые дела. Но все это для Бердяева лишь суррогаты творчества. Даже «философская книга есть охлаждение творческого огня познания в человеческом духе». В то же время в Царство Божие, по его мнению, войдут все великие творческие достижения.

Бердяев видит «трагическое несоответствие между творческим горением» и холодом реализации. «Недостаточность» творческого акта в том, что ему не удастся преодолеть объектность этого мира. Самая страшная творческая неудача, с точки зрения Бердяева, неудача христианства: нет ничего ужаснее объективации в истории того огня, который Христос низвел с неба.

Бердяев рассматривает продуктивное воображение как метафизическую силу, борющуюся с царством обыденности: воображение сводит ощущения и мысли в целостный образ, не определяемый эмпирическим миром.

Для философа фундаментальным является противоположение образа и вещи: «Перво-реальность не есть вещь, перво-реальность имеет образ». Образ для него есть акт, а не вещь.

Творчество нуждается в материале. Бердяев признает, что без мира предметных реальностей философское мышление зависнет в пустоте. Но изначальный творческий акт не зависит от материи: он возникает из свободы.

Но человек должен творить и свою личность, и самую жизнь. Почти в духе Маркса Бердяев утверждает, что творчество подлинного философа должно вести к изменению мира.

Творчество, по представлению Бердяева, должно быть теургическим сотрудничеством Бога и человека, т. е. богочеловеческим. В творчестве есть благодатный элемент, оно упреждает преобразование мира, уготовляет Царство Божие. Творческий акт — эсхатологичен, он означает наступление конца этого мира тьмы, возникновение мира света. Именно этой теме посвящена книга Бердяева «Опыт эсхатологической метафизики». К огорчению

Бердяева, эсхатологический характер творчества на деле срывается: «Этот мир не кончается, задерживается. Но он должен кончиться».

Аксиомой для Бердяева является то, что материальный мир символизирует мир духовный. Первичное познается лишь фантазией, мифом. В деле постижения тайны бытия символы успешно заменяют понятия, которые не раскрывают ценностей жизни и ее смысла.

Рациональная философия, по мнению Бердяева, не достигает глубины. Метафизика возможна лишь как символика духовного опыта. Философию Бердяев предпочитает представлять как «метафизику образов». Символ оказывается важнейшим ингредиентом творчества. Творческий субъект выражает себя в объекте лишь символически. Окончательное преображение мира видится Бердяеву переходом символов в реальность. Внутренняя жизнь другого опознается по поданным им знакам. С операциями над символами во многом связаны сознание и бессознательное.

Предназначение символа — наводить мосты. Это верно не только для сферы познания, но и для социальной коммуникации (называемой Бердяевым сообщениями). Сообщения носят конвенционный характер и не предполагают общения между «я».

Символика не всегда благо. Сила, власть стремится облачиться в привлекательную символику. Условно-знаковый характер имеют, например, деньги.

В мире для Бердяева основополагающую роль играли противоречия. «Наше существование складывается из противоречий. Я всегда был человеком, сильнее всего чувствующим противоречия», — провозглашал философ. Противоречия наличествуют у Бердяева как в аспекте метода, так и на тематическом и проблемном уровне.

Исторический прогресс, рассматриваемый как необходимый, *противоречит*, утверждает Бердяев, свободе человека. История для него — трагическая борьба, в которой обнажаются противоположности. Оптимизм и пессимизм как формы детерминизма равно *противоречат* свободе.

Бердяева мучило одно фундаментальное *противоречие* Евангелия. Христианство есть религия любви и свободы. Но дух Нагорной проповеди отличается от тональности притч с их жесткостью. Мыслителя отталкивало отождествление Бога с хозяином, понимание христианства как религии страха. Причину этого противоречия Бердяев видел в недоступности среднему человеку эзотерического языка.

В конце мира и истории, в эсхатологии Бердяев также видел *противоречие*. Объективация конца есть *противоречие*, которое

«преодолевается, когда конец вбирается в экзистенциальную субъективность».

Бердяев осознавал антиномичность миротворения: мир не мог начаться во времени и мир не мог быть вечным. Творение Богом мира есть объективированное понимание мистерии Духа. По мнению философа, миротворение —ечно.

Эта антиномия, как и все антиномии, порождается объективацией. Как считает Бердяев, познание неизбежно приводит к противоречиям. Они иллюзорно снимаются в объективации, а в действительности усиливаются. Преодолеваются же *противоречия* лишь в сфере духа.

Гений Бердяева действительно «парадоксов друг». Он признавал, что его мысль слишком антиномична, склонна к парадоксу и противоречию.

Возможно, что антиномичность мышления Бердяева определялась его темпераментом. Воинственность характера подталкивала к идейным сражениям. «Моя мысль... была борьбой с врагом», — помечал он в записной книжке. Бунт Бердяева был, прежде всего, бунтом против объективации человеческого существования. Даже христианство Бердяев воспринимал как «бунт против мира и его закона».

По словам Ф. Степуна, «...все статьи его и даже книги — атаки. Он и с Богом разговаривает так, как будто атакует его в небесной крепости».

При этом Бердяев все время ощущал мучительное несоответствие между своей мыслью и ее словесным выражением, он жаловался: «Самое главное в себе я никогда не мог выразить».

Но при всех трудностях с самореализацией, сочинительство было для Бердяева «почти физиологической потребностью». Он просто не мог не писать: «Писание для меня духовная гигиена, медитация и концентрация, способ жить. Писать я всегда мог при всех условиях и при всяком душевном состоянии». Например, план книги «О назначении человека» неожиданно пришел ему в голову, когда он сидел на балете Дягилева. «Если бы я постоянно не реализовал себя в писании, то, вероятно, у меня произошел бы разрыв кровеносных сосудов», — признавался Бердяев.

Однако Бердяев не считал себя человеком, умеющим с легкостью выразить свое внутреннее чувство. Он признавался: «В том, что я беспомощно говорю, есть что-то глубоко интимное, с трудом выразимое».

Но, вероятно, философ был слишком строг к себе. Ибо замечательный знаток русской философии протоиерей В. В. Зеньковский в своей «Истории русской философии» так охарактеризовал стиль Н. А. Бердяева: «...в чем Бердяев является блестящим —

это в чеканке отдельных формул... которые запоминаются навсегда».

«Афоризм для меня есть микрокосм мысли, в нем в сжатом виде присутствует вся моя философия», — писал сам Бердяев. Федор Степун называл Бердяева «мастером радикальных формулировок».

Такие блестящие сентенции, как: «Акт насилия есть жест слабости», «Свобода неверующего философа есть его рабство», «Самые страшные люди — люди, одержимые страхом», «Любовь есть радиоактивность человеческого сердца» — могут украсить любое собрание изречений.

Всю жизнь Бердяева чрезвычайно беспокоило, что его «плохо знают и понимают», более того — не понимают самого главного. Бердяев с горечью констатировал: «Я остался очень одиноким в своей мысли».

Прежде всего, читателями плохо воспринималась центральная для философа идея объективации, характер его дуализма, эсхатологические мотивы его философии. Бердяев сетовал: «Мои мысли о несотворенной свободе, о Божьей нужде в человеческом творчестве, об объективации, о верховенстве личности и ее трагическом конфликте с миропорядком и обществом отпугивали и плохо понимались».

От непонимания к отвержению один шаг. И хотя у Бердяева было немало почитателей, однако, взвешивая отношение к себе и своему творчеству, он находил, что чаша отрицательного отношения перевешивает.

Бердяеву всегда казалось, что его «не любило “общественное мнение”», не любило светское общество, потом не любили марксисты, не любили широкие круги русской интеллигенции, не любили политические деятели, не любили представители официальной академической философии и науки, не любили литературные круги, не любили церковные круги».

Читатель, готов ли ты полюбить его?

Калужный В. Н.